

Это произошло посреди ночи, спустя три дня после того, как я начал жить в доме бабушки Хаджикано. Переворачивая при свете ржавой настольной алампы страницы книги, которую когда-то подарил мне Хашиба, я услышал прерывистое дыхание Хаджикано по ту сторону ширмы. Та ночь выдалась ужасно жаркой. Поэтому сперва я подумал, что ей было тяжело спать, и она проснулась. Чуть позже я услышал, как она делает глубокие вдохи. Её дыхание подрагивало, и мне вдруг представился человек, заваленный в своей хижине в метель и ожидающий помощи. Ей приснился страшный сон? Пока я ломался насчёт того, пойти посмотреть или нет, то услышал, как отъезжает дверь. Не перегородка, а та, что в коридор. Я не слышал шагов, но был точно уверен, что это ушла Хаджикано. На кухню попить или в туалет, одно из двух. Но прошло пять минут, а она так и не возвращалась. Колокольчики позвякивали за окном. Меня охватили смутные опасения, и я отложил книгу, выключил лампу и покинул комнату. Осторожно прокравшись, стараясь ни издавать ни звука, я обнаружил входную дверь открытой – внутрь дома дул ночной ветер. Я надел сандалии и вышел. Я нашёл Хаджикано прямо там же. Нет, быть точным, это она "нашла меня". Лёжа напротив каменной стены, она смотрела в ночное небо. Заметив меня, она вздохнула, будто ждала меня несколько часов. «Наконец-то ты заметил, – улыбнулась она, прикрыв глаза. Выглядело так, словно она пыталась из несчастной улыбки сделать радостную. – Тебе нужно присматривать за мной внимательнее. Ты ведь не знал, что я выбегала и прошлой, и позапрошлой ночью?»

«Нет. ...Полагаю, как наблюдатель я провалился». Я присел рядом с Хаджикано, высунул указательный палец, чтобы убедиться, что она находится от меня с наветренной стороны, вытащил сигарету и закурил. Я не упустил того, что у неё покраснели глаза: спасибо за это фонарю. «Ты и до того, как потеряла память, много смотрела на ночное небо, – сказал я, выдохнув первое облачко дыма. – Ты любила звёзды. Видимо, это не изменилось». «Да, видимо». Какой-то отрешённый ответ. «Тебе сон плохой приснился?» «Вау. Здорово, – Хаджикано сложила вместе кончики пальцев, выпучив глаза. – Почему ты так думаешь?» Я не мог ответить на этот вопрос, поэтому спросил сам: «Ты просыпалась от кошмаров и прошлые две ночи?» «Да?» «Что тебе снилось?» Она помотала головой, встала и отряхнула одежду. «Уже забыла. Помню только, что была напугана». «...Ясно». «Эй, Хинохара, раз уж мы проснулись, давай пойдём куда-нибудь далеко». Она двинулась, не дожидаясь моего ответа. Я поднялся и последовал за ней.

Может, её сны были связаны с потерянными воспоминаниями. Видеть кошмары три дня подряд – ненормально. Возможно, она каждую ночь переживала те "непонятные четыре дня", подумал я. Мы молча шли по тёмной дороге. Нам периодически встречались деревянные подпорки на рисовом поле, вокруг фонариков, закреплённых на них, носились мошки, а чуть ниже – жужелицы и скарабеи. Луна тускло просвечивала сквозь реденькие облака. Мы сделали круг по жилому району и уже почти вернулись к дому, как Хаджикано прервала тишину. «Хинохара, сколько ещё ты будешь рядом со мной?» «Что ты имеешь в виду?» – беспечно спросил я. «Кто знает. Уж точно не я, – попыталась она улыбнуться, но у неё не вышло. – Просто, ну... Чигуса и Ёсуке же бросили меня, верно? Поэтому я интересуюсь, не придётся ли и тебе меня покинуть однажды». Я хотел утешить её, сказать, что это просто глупости. И я знал, что Хаджикано надеется на это. Она задала этот вопрос лишь потому, что хотела, чтобы я шуткой убрал след того беспокойства, что оставил после себя её кошмар. Сказал что-то вроде: «Я? Покинул тебя? Я бы не был так расточителен». Проблема в том, что её страх имел место быть. Если я сейчас ей солгу, нужно ли мне будет продолжать обманывать её до конца? Смогу ли я одурачить её, не вызвав и тени сомнения? Я никак не мог быть в этом уверен. Если моя ложь вызовет у неё подозрения, лучше уж сразу быть честным – так я заключил. «Семь дней», – ответил я. Я увидел, как замирает её лицо.

«Я могу быть рядом до 31-го августа. Потом мне придётся уйти далеко-далеко. Навсегда. Я не хочу оставлять тебя, Хаджикано, но это давно было предreshено». «Далеко? Куда ты уйдёшь?» «Я не могу нормально на это ответить». «Ты сможешь приходить хоть иногда?» «Нет, – покачал я головой. – К сожалению, не смогу даже этого. После 31-го

августа я больше не смогу с тобой встретиться». «...А». Хаджикано склонила голову и слегка покинуто улыбнулась. Я ожидал более бурной реакции. Может, у неё с самого начала в голове прокручивалась вероятность подобного ответа. Может, уловив некоторые несоответствия в моих поступках, она поняла, что я что-то скрываю. «Я понимаю. У тебя тоже есть на это свои причины?» «Да. Извини, что всё время скрывал это. Я не был уверен, как это тебе преподнести». «Нет, это ты извини за то, что заставила волноваться за меня».

И Хаджикано пробурчала: «Семь дней... Ясно». Вернувшись в дом, мы тихо прошли по коридору, чтобы не разбудить Ёшиэ, и улеглись по своим постелям. На следующее утро, отодвинув ширму, чтобы разбудить Хаджикано, я обнаружил, что она спит, обняв колени, а рядом с её постелью лежит её дневник. Всё-таки она выбрала "вспомнить". Не без причины. Близкие ей люди продолжают исчезать один за другим. Вполне естественно захотеть заглянуть в своё прошлое, чтобы узнать, почему. Даже зная, что там может скрываться разрушительное знание, которое может потрясти её до глубины души. Я осторожно взял дневник, сел у подоконника и открыл. Может быть, узнав подробности тех "непонятных четырёх дней", я разочаруюсь в Юи Хаджикано – нет, я не задумывался об этом ни на секунду. Каким бы ни было её прошлое, я готов его принять. Даже если она крепко связана с прошлогодним самоубийством тех двух учениц средней школы – да даже если она их убила – мои чувства не переменились бы. Сопrotивляясь желанию внимательно перечитать каждую страницу, я пролистал их в поисках июля 1993-го года. На нужном листе моя рука остановилась. В большинстве своём страницы были полупусты, и по ним было легко пробежаться взглядом, но только здесь теснились длинные предложения, написанные мелким почерком. Там была изложена правда о тех четырёх днях.

□

Всё пошло наперекосяк с 27-го февраля 1993-го. В тот день Хаджикано под мелким снегом шла по улице, как вдруг неожиданно встретила старых подруг. Мэй Фунакоши и Майко Аиду. Она училась с ними в одном классе в начальной школе. Хаджикано заметила их приближение и судорожно стала искать, куда можно спрятаться. Но они увидели её прежде, чем она смогла укрыться. Обратив внимание на её лицо, они хотели что-то сказать, но вместо этого быстренько произнесли: «Давно не виделись». Хаджикано с неохотой тоже с ними поздоровалась. Она легко догадалась, что им хотелось сказать. К тому времени её родимое пятно разрослось настолько, что его уже не скрывали волосы. И она подумала, что эти двое определённо хотят спросить её о нём, но сдерживаются. Как все остальные. Когда люди видят её, то выпучивают глаза, а потом говорят что-нибудь отвлечённое с невинным видом. Но даже в течение разговора они как бы невзначай поглядывают на её родинку. Одновременно с сочувствием и любопытством. Но сами они никогда о ней не заговорят. Она всегда думала, мол, если уж им интересно, то пусть уже спросят прямо. «Что это у тебя с родинкой?» – было бы достаточно. Но тех, кто на это решался, было очень мало. Все боятся затронуть болезненную тему. Немногие понимают, что некоторые такие темы приносят меньше страданий, если о них просто поговорить. Эти двое тоже будут делать вид, что моей родинки нет, а потом будут обсуждать её между собой, решила Хаджикано. Однако спустя несколько минут разговора Фунакоши сказала: «Кстати, – и указала на родинку. – что это у тебя с лицом?» «Это же не просто синяк, да?» – скромно спросила Аида. «Извини, если мне только кажется, но, Юи, ты что-то слишком напряжена, – произнесла Фунакоши. – Если не возражаешь, мы можем об этом поговорить». Благодарная им за их честные вопросы, Хаджикано стала рассказывать: «Ну, на самом деле...» И, начав, уже не могла остановиться. Она долго описывала перемены, произошедшие в её жизни с момента появления родинки, рассказывая то, о чём молчала всё это время. О том, что незнакомцы смотрят на неё по-другому; о том, что люди не скрывают отвращения, глядя на неё; о том, что она стала избегать смотреть в глаза во время разговора, что в ней постепенно возрастает страх нахождения на людях и она сидит дома по выходным; о

том, что она пытается вести себя в школе спокойно, но внутренне трясётся от страха; и о том, что ей не с кем поговорить и она держит все переживания в себе. Фунакоши и Аида слушали её с серьёзными лицами. Хаджикано решила открыться им в первую очередь, потому что чувствовала: они поймут. Они обе, как и Хаджикано, были озабочены собственным телом. Они были умными, очаровательными девочками с чувством юмора, но, как и у всех девочек в их возрасте, у них имелись крайне неприятные изъяны на самых заметных местах. (В дневнике эти "изъяны" детально не описывались, однако, как и у меня – Призрака Оперы – и Хаджикано – призрака Оивы, – у этих девочек тоже были свои позорные прозвища, связанные с их внешностью). Спустя пару часов откровений Хаджикано поблагодарила их: «Спасибо вам. Я никогда ни с кем об этом не говорила, поэтому я очень счастлива». «Не за что, – сказала Аида. – Мне даже немного приятно оттого, что кто-то настолько популярный, как ты, думает о том же, о чём и мы». «Если тебе что-нибудь нужно, скажи нам, – наставила её Фунакоши. – Думаю, ты понимаешь, что мы говорим это не просто из вежливости. Мы действительно знаем, что ты чувствуешь, Хаджикано». И тут Аида о чём-то задумалась и сказала: «Эй, если тебе, Юи, с нами хорошо, может, нам стоит продолжать собираться, как сейчас?» С тех пор Хаджикано стала регулярно видеться с теми двумя. Они встречались раз в неделю, чтобы поговорить о будничных проблемах и вопросах, и о том, как сложно на самом деле жить. Во время этих разговоров Хаджикано посещало чувство, будто она разделилась на три части, которые общаются друг с другом. Видимо, эти подруги по несчастью с чувством физической неполноценности хорошо её понимали. Её часто впечатляло то, как хорошо они ощущают самые незаметные перемены в настроении. Вдруг на одной из встреч Фунакоши сказала: «Если честно, я не вижу ничего плохого в пластической хирургии. Или косметической хирургии? Ну да какая разница, как её называть? Если приемлемы макияж, химическая завивка и коррекция зубов, не странно ли, что не приемлют пластику? Некоторые говорят, что это невежливо – резать тело, которое ты получила от родителей, но будь я на их месте, то разрешила бы, лишь бы мой ребёнок был счастлив. Потому что, в каком-то роде, уродство – это болезнь». Хаджикано задумалась над этим, а затем ответила: «Я думала над этим... Бóльшая часть проблем с пластической хирургией – это её последствия. Думаю, корень неприязни к ней в огромной привязанности к собственному телу и страхе его потерять. Люди инстинктивно боятся, что граница того, где "данный человек остаётся тем же человеком", пошатнётся». «Ага, скользкая дорожка, – сразу вставила Аида. – В конце концов, можно просто оставить мозг, а всё остальное превратить в другого человека». Фунакоши кивнула: «Да, как та старая задачка: "Если постепенно заменять все части корабля, когда ничего от прежнего не останется, будет ли это тот же корабль?" Но на самом же деле, когда будет заменено только 10%, никто не скажет: "Это совершенно другой корабль", – так и человеческое тело с 10% изменений остаётся тем же телом». «В любом случае, наши проблемы не решить пластической хирургией, поэтому этот довод не имеет смысла», – слабо улыбнулась Аида. Фунакоши и Хаджикано вздохнули, но в этом вздохе таилось тёплое взаимопонимание. Горькое облегчение, что не их одних постигла такая судьба. Прежде, чем Хаджикано успела понять это, Фунакоши и Аида стали её надёжной опорой. Можно сказать, они сильно зависели друг от друга. Поэтому весной, когда те двое начали говорить о своей неприязни к одноклассникам, намекая на желание совершить суицид, она сочла это за доказательство того, что они открыли друг другу душу. Их взор был совершенно затуманен.

4-го июня Фунакоши и Аида поведали Хаджикано, что над ними издеваются в школе. «На нас как будто вымещают напряжение перед грядущими экзаменами», – сообщила неприятную новость Фунакоши. Они рассказали, через что им приходится проходить в школе. Если они не преувеличивали, то там происходил настоящий ад за гранью воображения. Хаджикано жалела их, но также чувствовала тяжесть возложенных на неё ожиданий. Когда они закончили рассказ, над ней нависла давящая тишина. Как будто они незримо схватили её за руки и говорят: «Теперь, когда ты столько слышала, просто так ты не отделаешься». Наверное, меня вовлекают во что-то плохое, подумала Хаджикано. И волновалась она не зря. Поведав

об издевательствах над ними, Фунакоши и Аида стали чаще говорить озлобленно и безысходно. Темы для разговоров всегда были следующие: «Я хочу умереть поскорее» или «Я хочу убить того и этого». Никак не изменившись внешне, они стали совершенно другими людьми. Они больше не были теми Фунакоши и Аидой, которые нравились Хаджикано. Ей стало грустно оттого, что девочки, которые некогда остроумно шутили и успокаивали друг друга, так переменились. Хаджикано уже перестала участвовать в их спорах, но отдалиться было нельзя. Она боялась покинуть их компанию сильнее всего. Если я брошу их, то потеряю место, куда можно будет прийти со своими проблемами, думала она. Хаджикано заставляла себя разговаривать с ними: если они говорили, что хотят умереть, она поддакивала, если говорили, что хотят кого-то убить – повторяла за ними. Хаджикано оставалась собой, но её охватило безумие, к которому стремились остальные двое. Состояние Фунакоши и Аиды только ухудшалось. И вот, переступив через невидимую черту, они перешли от слов к действиям. В один день они вдруг успокоились, словно пришли в чувство. Много говорили, много ели, много смеялись. Хаджикано обрадовалась, что они вновь стали такими же, какими были пару месяцев назад. Может, прекратились издевательства в школе. Но как только Хаджикано подумала, что они снова могут быть близки, как и раньше, Фунакоши сказала: «Мы его сожгли».

Хаджикано проглотила язык, ошеломлённая. А они оживлённо продолжали рассказ. О том, как прошлой ночью пришли к дому одноклассницы, которая начала эти издёвки, облили его керосином и подожгли. О том, что сегодня она не пришла в школу. По пути домой они зашли посмотреть на дом: он оказался полностью выжжен, а комната той девочки пустовала. «Что с ней случилось?» – дрожащим голосом спросила Хаджикано. «Она не умерла. К счастью или нет, – ответила Фунакоши. – Но в школу, скорее всего, ходить не будет долго». «В школе было так хорошо, – искренне встала Аида. – Никогда бы не подумала, насколько проще без неё». Я не могу больше это терпеть, подумала Хаджикано. Следуя своим намерениям, она призвала тех двоих прийти с чистосердечным. Если полиция опросит их одноклассников, они быстро раскроют враждебное расположение их к той девочке. Нельзя недооценивать возможности современного следствия. Полиция может постучаться к ним следующим же утром. Так не будет ли мудрее сдаться до того, как это произойдёт? «Всё в порядке, нас не обнаружат, – ни с того ни с сего заявила Фунакоши – во многом для того, чтобы успокоить себя. – Пока мы втроем будем молчать». «Я думала, ты нас поздравит, Юи, – разочарованно произнесла Аида. – Но ты всё настроение испортила». «Эй, Юи, я тебе доверяю, но позволь мне кое-что сказать». Фунакоши наклонилась и прошептала на ухо Хаджикано: «Если ты нас предашь, мы и твой дом сожжём». И теперь Хаджикано всё-таки поняла, что отступать больше некуда. Её побег из этих оков ненависти уже провалился, и она осталась заключена в них. Не было подходящего выбора. Только неприемлемый вариант и ещё более неприемлемый. Когда на следующий день Хаджикано прочла газету, её лицо побелело, и она чуть не рухнула наземь. Как те двое и сказали, они подожгли тот дом, но девочка, от которой исходили издёвки, отделалась минимальными увечьями. Однако её младший брат скончался. Хаджикано вырвала страницу со статьёй, положила её в сумку и пошла встретиться с Фунакоши и Аидой. Естественно, они обе досконально изучили газету, поэтому также знали, что убили вместо своей цели её брата. «Это вина той девочки», – как бы обороняясь, повторили они, но их глаза были пусты, словно даже самообман их не спасал.

Постепенно они обе вовсе лишились рассудка. Они боялись, что им однажды позвонят из полиции, всегда беспокойно оглядывались, при виде полицейских опускали головы и быстро уходили, а, услышав автомобильную сирену, удивлённо вздрагивали. Они, очевидно, недосыпали, поэтому под глазами у них образовались огромные мешки; со временем они отощали, словно не могли уже проглотить еду. Они видели опасность в каждой тени, но больше всего боялись предательства Хаджикано. Поэтому иногда они звонили ей и трижды повторяли свою угрозу о том, что «если ты нас предашь, мы сожжём твой дом». «Ты всё-таки задумала нас кинуть, да? – однажды спросила Фунакоши. – Но ты, даже зная, что мы собираемся сделать, продолжала нам поддакивать, поэтому ты практически соучастница. Если

нас арестуют, мы заберём тебя с собой». Не в силах вынести самобичевания и страхов, они стали относиться к мыслям о самоубийстве, которые прежде они только озвучивали, как к действенному способу побега. Мы не сделали ничего плохого; если полиция нас арестует, лучше уж мы умрём, говорили они. И, конечно же, Хаджикано тоже должна была участвовать в этом коллективном самоубийстве. Аида вырисовывала перед Хаджикано следующие картины: «Если ты сбежишь, мы оставим записку, где напишем: "Юи Хаджикано заставила нас его поджечь; мы убили себя, потому что не можем жить с этим грехом"». Бежать было некуда. Я должна была уйти, как только почувствовала неладное, жалела Хаджикано. Они дали мне время для этого. Если бы я хотела, я могла бы даже пресечь их буйство на ранней стадии.

Нет, не только это – может, меня поэтому и вовлекли в это. Они приняли меня к себе для того, чтобы я изменила их дикое мировоззрение. Да и я слишком боялась потерять людей, с которыми могу поделиться своей болью. Поэтому я не только их не остановила – я распалила их ненависть. К этому пришло, потому что я слишком мягкосердечная. И вот, роковой день наступил. 12-го июля 1993-го года Хаджикано позвали в развалины глубоко в горах. Открыв массивную железную дверь, она увидела Фунакоши и Аиду, которые сидели в углу комнаты в квадратике света, падающего из окна. У их ног стояли бутылки сакэ и банки из-под масла. Заглянув в них, Хаджикано вздрогнула. Вне всяких сомнений, в банках был бензин. Алкоголь, вероятно, был для того, чтобы напиться и поубавить страх смерти. Сегодня они вдвоём собрались умереть – или втроём, считая Хаджикано. Хаджикано действительно пыталась переубедить их. Что хорошего в этой затее? Всё ещё можно исправить, искупить свои грехи. Поскольку она тоже замешана в поджоге, виноваты все. Слишком рано ещё отчаиваться.

Но, конечно, они даже не слушали. Они быстренько облили себе головы бензином, словно то был кипяток, старательно вымазав те части тела, которые вызывали их чувство неполноценности, и предложили сделать то же Хаджикано. Она отказалась, поэтому Фунакоши схватила и держала её, пока Аида поливала её бензином. Хаджикано стряхнула с себя Фунакоши и попыталась сбежать, но выход был только один, и они его заблокировали. Фунакоши надвигалась с зажигалкой, а Аида заграждала пути к отступлению. Словно наслаждаясь видом того, как Хаджикано в страхе отступает, они зажали её в углу. Я представил себе это. Может, их решимость была не настолько тверда. Думаю, Фунакоши просто положила палец на колёсико зажигалки, чтобы пригрозить. Может, она случайно чиркнула по кремню, или, переволновавшись, забыла, что вся в бензине. Бензин воспламенился фейерверком искр. В одно мгновение тело Фунакоши поглотило пламя. Через секунду раздался крик, похожий на звериный рёв. И непонятно было, чей он: Фунакоши или Аиды. Фунакоши, загоревшись, схватилась руками за шею и заметалась, ища помощи. У Аиды подогнулись ноги и, когда Фунакоши приблизилась к ней, огонь тут же перекинулся и на её тело. В этот раз точно закричала Аида. Хаджикано инстинктивно бросилась бежать. Крик Аиды за её спиной утих в пару мгновений. Выбравшись из развалин, Хаджикано понеслась так быстро, как только могла, и подумала: не важно, как я тороплюсь, до ближайшего дома минут двадцать. Тут же нет никаких таксофонов, верно? Она порылась в памяти, но поняла, что сама, по крайней мере, не видела ни одного. Так или иначе, она быстро спустилась с горы. Не тратить ни минуты. Ни секунды. Когда она наконец нашла телефон, прошло уже пятнадцать минут. Хаджикано дрожащими руками набрала 119. Она сказала, что увидела в горах странный дым и перепугалась, услышав крики, и сообщила точное расположение заброшенного здания, но завершила звонок, не представившись. Положив трубку, она рухнула в обморок. Телефон продолжал дребезжать у неё над головой, вероятно, это пытались перезвонить из пожарной части.

□

Оторвавшись от дневника, я встретился взглядом с Хаджикано, которая сидела на футоне и смотрела на меня. Она только слабо улыбалась и, казалось, не винила меня за то, что я читал

её дневник без разрешения. Может, она и положила его у постели как раз для того, чтобы я его прочёл. «Разочаровывает, не так ли? – потупила она взгляд. – Юи Хаджикано – нет, я – оставила двух девочек умирать, а потом пыталась стереть это воспоминание и избавиться от давления греха. ...Так, кажется». «Разве там что-то такое сказано? – наклонил я голову. – Это просто история о жалостливой девочке, которая к несчастью была впутана в чужое преступление». Хаджикано встала, свернула futon, потянулась спиной ко мне и спросила, не оборачиваясь: «...И останешься ты сегодня со мной?» «Очевидно же, – ответил я. – Остался бы, даже если ты была бы против. Мне поручена работа за тобой приглядывать, ты же знаешь». «...Да. Значит, останешься». И она улыбнулась с облегчением. Сегодня Хаджикано весь день была рассеяна, с самого начала и до конца. На всё, что я говорил, она реагировала медленно, и отвечала на мои вопросы невпопад. Большую часть времени она отрешённо смотрела вдаль, а потом отвлекалась и вела себя радостно, но быстро уставала и возвращалась к безучастности. Опасный знак. Я внимательно следил за ней, поэтому никаких задумок она не воплотила, ведь я быстро перекрывал любую возможность этого. Полдня минуло без происшествий. После ужина мы пошли в баню и смыли накопившийся за день пот. Кажется, сегодня обошлось, вздохнул я, расслабившись. Но был наивен. События уже продвигались к резкому повороту. Хаджикано ждала меня снаружи и, как только увидела меня, спросила: «Сделаем крюк?» Я поинтересовался, какой, но она не ответила, сказав только: «Я кое-что хочу тебе показать», – и повела меня, таинственно улыбаясь. Куда она меня ведёт? В этом городке не так уж много конкретных мест. Судя по направлению, я предположил, что она направляется к морю. И оказался прав. Хаджикано пошла прямо к берегу и остановилась перед складом на углу причала. Повинуясь порыву ветра, рукава её простенького синего платья затрепетали. Голубоватая луна отражалась на спокойной глади воды. Хаджикано повернулась ко мне лицом, взяла из своей сумки нечто, завернутое в полотенце, развернула и показала мне. Это был маленький нож. Узорчатая рукоять его местами была оцарапана, а лезвие покрыто тёмными пятнами. Но край был острым, будто его только что наточили. «Что это такое?» – спросил я. «Я взяла его, – коротко ответила Хаджикано. – Как думаешь, где?» «Не знаю». «Правда?» «Могу только предположить, что на свалке». «В телефонной кабинке, – сказала она. – И, Хинохара, я собираюсь заставить тебя убить меня им». Увидев моё удивление, Хаджикано усмехнулась. «Прости, что притворялась дурочкой, Хинохара. По правде говоря, я уже знаю, что твоя жизнь окончится 31-го августа, и единственный способ спастись – это убить меня». Её силуэт стал расплываться. Я был выбит из колеи настолько, что не мог сфокусировать взгляд. «Почему ты... – начал я, и вдруг понял. – Это тебе женщина из телефона сказала?» Она медленно кивнула: «Я удивилась, когда мне впервые позвонили. Я прогуливалась ночью, и тут зазвонил таксофон. Мне стало любопытно, и я ответила, и эта женщина на другом конце провода, даже не представившись, сказала: "Кажется, твоя память не спешит возвращаться, Юи Хаджикано". Это произошло два дня назад. ...Я, конечно, испугалась и сразу повесила трубку, поэтому больше ничего не услышала». Хаджикано крутила и вертела нож в руках, рассматривая его с разных углов. Скорее всего, не потому, что она хотела его разглядеть получше, а потому, что не хотела смотреть мне в глаза. Женщине из телефона явно не нравилось то, что я демонстративно наслаждаюсь временем, проведённым с Хаджикано. Она хотела помешать мне настолько сильно, что зашла так далеко – до этого она не вмешивалась в жизнь тех, кто не участвовал в пари. «Когда же она следующей ночью позвонила снова, я могла выслушать её спокойнее. Та женщина знала всё, что должна была знать лишь я, к тому же более подробно. Она знала даже точные детали того, как умерли Фунакоши и Аида, которые я не записывала в дневник. Я спросила её, почему она всё это знает, но она только рассмеялась. Я подумала, что это мне просто привиделось. Я ведь и без того потеряла память, так что подобное не так уж и странно». Хаджикано приложила указательный палец к виску и тоскливо улыбнулась. «Но когда звонок завершился, я стала воспринимать его как откровение свыше. Не так уж и важно, реальная ли эта женщина или подделка, созданная

моим подсознанием. Я решила, что она пыталась сообщить мне нечто важное, и это сообщение невероятно много для меня значит. Исходило ли оно изнутри моей головы или снаружи».

Она замолкла на несколько секунд, словно задумавшись над значением своих слов. Затем продолжила: «И вот, чуть ранее, когда я вышла из бани и ждала тебя, через дорогу от меня зазвонил телефон-автомат. "По правде говоря, Юе Хинохаре, с которым ты сейчас живёшь под одной крышей, осталось жить всего несколько дней. Причина, почему он сможет быть с тобой лишь до 31-го августа, в том, что в этот день он умрёт. И в этом не виноват никто кроме тебя, Хаджикано". ...Странно, но я даже не удивилась. Я смогла принять это безумное заявление. Ах, ну конечно, подумала я, так это было не совпадение, когда ушли Чигуса и Ёсуке. Я не знаю причины, но, может, люди, связанные со мной, обречены быть несчастными». Хаджикано перевела взгляд с ножа на моё лицо и снова быстренько опустила голову. «Спустя долгое молчание, будто бы подождав, пока моё отчаянье уляжется, Женщина продолжила:

"Необязательно, что Хинохару никак нельзя спасти. Пожалуйста, загляни под телефонный справочник". Я повиновалась и на полке, где была книга, нашла этот нож. Как только я его взяла, женщина сказала: "Заставь Хинохару резать тебя этим ножом. Это единственный способ сохранить ему жизнь". И она повесила трубку». Закончив, она приблизилась ко мне.

«Не думаю, что тебя будут подозревать, если ты сделаешь это сейчас, – произнесла она. – Вся моя семья знает, что я пыталась совершить суицид, и моя бабушка и сестра подтвердят, что ты заботился обо мне. Любой поверит тому, что я убежала, пока ты мылся». Она взяла меня за руку и обернула её вокруг ножа. «Всё нормально, тебе не нужно смотреть, как я умираю, до самого конца. Просто воткни его мне в грудь и скинь меня в море, Хинохара. Пожалуйста, не думай, что ты убиваешь меня ради своего спасения. Думай, что этим ты спасаешь меня. ...Если я продолжу жить, уверена, я снова совершу ту же ошибку. Поэтому прерви мою жизнь собственноручно, пока этого не произошло». Хаджикано слегка наклонила голову и легонько улыбнулась мне. Я сжал нож, который она вложила в мою ладонь, и взгляделся в рисунок, напоминающий брызги волн. Выкинуть его в море легко. Но это просто отсрочит конец. Просто отклонив её требования, я не смогу её переубедить.

Держа нож, я приблизился к Хаджикано. Она слабо задрожала и закрыла глаза, готовая ко всему. Я поднёс лезвие к её груди и провёл им по воротнику, намереваясь проткнуть сердце. Мне показалось, словно я могу ощутить через нож, как оно колотится. Хаджикано сглотнула. Немного помедлив, я медленно воткнул нож ей в грудь. Её лицо исказилось острой болью. Я убрал нож. Порез был длиной сантиметра три. Тотчас же брызнула кровь, окрашивая её платье. Я провёл по ране пальцем, чтобы вытереть кровь. Тело Хаджикано напряглось от нахлынувшей боли. Я провёл кровью по правой стороне лица. Что-то вроде охранного заклинания. «Что ты делаешь?» – спросила Хаджикано, выпучив глаза.

«В "Русалочке" Андерсена, – сказал я, – если бы тёплая кровь из груди принца коснулась ног русалки, то срастила бы их и превратила обратно в хвост. ...В моём случае, думаю, столько крови будет достаточно». Хаджикано наклонила голову: «Я не понимаю, о чём ты говоришь, Хинохара». «И правильно. Ты не должна понимать. Я так себя заговорил на удачу». С громким свистом нож полетел в открытое море. Вскоре я услышал всплеск вдалеке.

«Теперь пойдём домой и обработаем рану». Хаджикано недоумевающе уставилась туда, где утонул нож, и тихо вздохнула. «...Это не поможет», – пробурчала она. «Поживём – увидим. Мы ещё не знаем». Хаджикано шагнула ко мне, словно хотела в меня врезаться. Я вдохнул сладкий аромат её волос. Её тело было холодным и вспотевшим. Она заплакала, сдерживая голос. Моя рубашка намокла от её слёз. Пока она плакала, я гладил её по спине.

«Даже если это будет неправда, можешь мне кое-что пообещать? – прошептал я ей на ухо. – Даже если меня не станет, продолжай жить». «Я не могу». «Не нужно взаправду клясться. Можешь солгать». «...Тогда это ложь, но я обещаю». Хаджикано оторвалась от моей груди и протянула мне правый мизинчик. Так мы поклялись друг другу.

Возвращаясь, мы много раз слышали, как звонит телефон-автомат. Как только утихал один, начинал звонить другой в другом месте. Иногда звон доносился оттуда, где, казалось бы,

телефона быть не может. И с каждым разом Хаджикано сжимала мою руку всё сильнее.

«Эй, Хинохара». «Что?» «Если передумаешь, можешь убить меня, когда тебе будет угодно». «Ладно. Если передумаю». «Я не буду возражать, если ты убьёшь меня».

«Понял». «Правда?» «Да». «Я была бы счастлива, если бы ты поцеловал меня в конце». «Ладно. Если это случится». «Хорошо. Жду не дождусь». И мы беззаботно шли домой под звон обезумевших таксофонов, раздающийся в ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/241481>